Он барахтался в весёлой игре со своими братьями и сёстрами под присмотром мудрой Альмы, их матери, когда был вытащен из кучи-малы сильной рукой.

— Смотри! Каков, а?! Биточек, крепыш! Возьмём на дачу? Скоро лето! Поедешь с нами, Черныш?

— Не выдумывай! Блох ещё нахватаешься...

— Мам, давай возьмём. У Толяна видела? Есть собака, Лорд. Играет с ним...

— Я тебе гарантирую... никаких блох! Чистый кутёк, посмотри, какой лохматыш... И Лёшке на даче забава, да и забота, правда, сын?

— Правда, правда...

— Да ну вас! Как хотите, только сами — мне и без собаки забот хватает.

Это было такое небывалое счастье, такая череда весёлых и радостных дней, которые редко

выпадают какой-нибудь везучей собаке. Догонялки и прятки с Лёшей среди кустов и деревьев, погони за птицами, всегда неудачные, но всё равно увлекательные. А набегавшись, можно было так наедаться, что живот становился круглым и тугим. И всё время в их играх непременно участвовали сосед Толя со своей собакой Лордом. И их возня и игры доставляли немало весёлых минут и взрослым.

Вечерами досаждали комары. Люди начинали мазать себя такой пахучей мазью, что собаки чихали и старались держаться подальше. Черныш забивался под веранду, укладывался колесом, прикрывая нос и глаза лапой, и комары не доставали его, лохматого.

Он начинал понимать, что это пространство принадлежит ему, а потому надлежит охранять территорию от посягательств чужаков. В полудрёме он внимательно прислушивался и, случалось, пугал людей, неожиданно вылетая с громким лаем из-под веранды в погоне за каким-нибудь заблудшим котом.

А короткошёрстный Лорд страдал от комариных укусов, жалобно скулил, непрерывно клацал зубами, гоняя комаров, и забивался в дачный домик.

Катилось лето, шло время. И замечал Черныш, что ночи становились долгими; он просыпался, обходил участок и засыпал снова, а солнышка всё не было, и всё чаще, дождавшись его, укладывался на припёке.

Однажды уехали и больше не появлялись на даче Лёша и его мать. Хозяин приезжал всё реже и реже. Черныш, обходя дозором и соседние, начинающие пустовать дачи, внимательно прислушивался и, по ему одному понятным признакам, узнавал шум хозяйской машины, стремглав мчался к воротам, чтобы в искренней собачьей радости броситься обниматься с хозяином.

Тот привозил много всякой еды, и, не справившись с ней, Черныш, повинуясь инстинкту, зарывал остатки под кустами смородины, уже потерявшими листья. Иногда «помогал» Лорд, его хозяева приезжали ещё реже. Тем временем становилось всё холоднее, от дождей раскисла земля, и он всё чаще отсиживался под верандой. Однажды, особенно холодной ночью пришёл и прижался к нему Лорд, не грела того коротенькая шёрстка.

Так они и стали коротать ночи.

Тот раз он особенно долго ждал. Пришлось даже найти и съесть часть зарытого запаса. И когда наконец хозяин приехал, не только радостный визг издавал Черныш, а слышны были в этих звуках и упрёки, и непонимание, и жалоба. Или это только слышалось хозяину. А рядом, дрожа от холода, стоял понурый Лорд, понимая, что это не его хозяин.

Еды было особенно много, и Лорд, поглядывая с опаской,

тоже осторожно принялся за еду. А хозяин сидел рядом и старался не смотреть на них. Потом стал говорить, потихоньку, будто сам с собой.

— Зима, собаки, наваливается. Дела… не приеду больше. Как-нибудь… сами тут, а может, уйдёте куда?.. Так уж получается. Такая жизнь… жаль вас очень… но…

Сытые собаки слушали голос и приветливо и благодарно помахивали хвостами. А потом хозяин пошёл к машине, повернулся, посмотрел в преданные глаза Черныша, на понурого, дрожащего крупной дрожью, Лорда… Необычно громко хлопнула дверь, машина взревела мотором и, резко набирая скорость, скрылась за поворотом.

К вечеру пошёл снег. Черныш с любопытством смотрел на это, не очень понимая, почему всё вокруг становится белым. После еды очень хотелось пить, но вода в баке у качка стала почему-то твёрдой, и сколько он ни царапал когтями, пить было нечего.

И тогда он вспомнил о реке, где в счастливое тёплое время купался, где плавал за палкой, которую бросал в воду его лучший друг и хозяин Лёша. Но у берега вода была замёрзшая, и он покрался по льду к воде. Неожиданно твёрдая опора раскололась под его лапами, и Черныш оказался в ледяной воде.

Как он ни старался вытрясти из своей густой шерсти всю воду, ничего не получалось. Но жажда становилась невыносимой, Черныш лизнул снег и, почувствовав с наслаждением ту самую желанную воду, стал торопливо заглатывать его и остановился только тогда, когда понял, что холод забирает его всего.

Он забился под веранду, но мокрая шерсть не спасала от холода замерзающей земли, а съеденный снег вытягивал остатки тепла из самого нутра. Подполз дрожащий Лорд, попытался прижаться к Чернышу, но, почувствовав лёд его мокрой шерсти, тоскливо взлаяв, выбрался из-под веранды. И через некоторое время замерзающий Черныш, уже на грани сознания, услышал негромкий, словно жалующийся кому-то вой Лорда, в котором слышались тоска и обречённость.

Он видел и не видел, как ночь сменяла день, но сил не было даже пошевелиться. Но очередная ночь закончилась для него неожиданным сном-видением. Под веранду забралась и нашла его мать, старая Альма. Она стала вылизывать его, а потом он припал к её соску и пил тёплое молоко, от которого уходила прочь злая стынь.

Утром Черныш, качаясь от слабости, нашёл зарытый припас под смородиной, с трудом смог добраться до него под твёрдой землёй. Потом несколько раз принимался лаять, призывая Лорда, но в ответ была почему-то пугающая тишина.

* * *

Хозяин не приезжал. Черныш часами просиживал у ворот и прядал ушами, стараясь услышать звук машины. Он жестоко голодал, инстинкт подсказал ему вдруг поискать еду под снегом, откуда слышались иногда писк и возня. Так Черныш научился, как заправский охотник, мышковать, и это давало возможность как-то жить, хотя и со ставшим привычным ощущением голода.

Многовековой инстинкт рода требовал идти к людям, с которыми его сородичам и спокойно и сытно. Но дачный посёлок опустел. Однажды он выбежал навстречу какому-то человеку, привычно дружелюбно помахивая хвостом, но тот почему-то испугался, стал кричать «пошёл», а потом, схватив ком земли, запустил им в Черныша. Несколько дней он не мог наступить на ушибленную лапу. И когда на замёрзшей реке стали собираться люди, что-то делающие около лунок во льду, Черныш, наученный горьким опытом, издалека, медленно приближался к ним с подветренной стороны, и если улавливал запахи еды, усаживался неподалёку.

Ему всё чаще стало перепадать что-то от этих людей, и он благодарил их как мог, как подсказывал инстинкт, размахивая хвостом.

Но иногда понимал, что некоторые его боятся; от них шёл запах страха, на него замахивались и зло кричали всё то же: «пошёл», и он неторопливо уходил, уже понимая это слово.

В особенно лютые морозные ночи слабеющий от голода Черныш не поддавался сну. В нём просыпалось какое-то инстинктивное чувство опасности, поджидающей его во сне, и он начинал бродить по протоптанным тропам, прослушивая снега, и иногда охота была удачной. Тогда он укладывался на крыльце дачи. На небе ярко светила луна, но от её вида становилось ещё холоднее. Иногда он вздрагивал от треска промерзающих деревьев в прибрежном лесу.

Надолго уходить от своего места Черныш не мог. Он знал, что должен охранять его от всяких посягательств чужаков, и постоянно совершал обходы.

Но голод требовал искать пищу, и он всё дальше уходил от своего пристанища.

Привлечённый заманчивыми запахами, вышел однажды к небольшому домику у дороги, перекрытой воротами. Он присел неподалёку, не сводя глаз с двери, и когда в ней, после долгого ожидания, появился человек, встал и, сделав пару шагов к нему, сел и уставился на вышедшего немигающим взглядом.

Человек увидел его сразу, озадаченно посмотрел на Черныша, что-то размышляя, затем повернулся и скрылся за дверью. Черныш в ставшем привычным тоскливом разочаровании тронулся в обратный путь.

Охота из-за больших снегов становилась трудной и малополезной работой, он всё больше слабел, и даже на ощущение голода не было сил. И вдруг он услышал сзади призывный посвист и увидел, как у домика стоит с чашкой в руке тот самый человек. От чашки парил невообразимый запах хорошей еды, и Черныш, забывая об осторожности, в несколько прыжков оказался рядом.

Он жадно глотал какое-то тёплое варево с накрошенными кусочками хлеба, потом тщательно вылизал чашку и благодарно посмотрел на человека, что-то ласково приговаривавшего всё это время. Он пересилил страх, когда тот протянул к нему руку и погладил Черныша, потрепал его по густой и плотной шерсти.

Но когда человек попытался направить его ближе к избушке, вывернулся и отошёл в сторону. Он был сыт, согрет тёплой и хорошей едой, но понимал, что уйти сразу будет неправильно, что надо отработать добро. И сделал, что велел инстинкт: грозно осмотревшись по сторонам, громко полаял на воображаемых нарушителей, предупреждая их от посягательств на эту территорию, чем заслужил похвалу человека.

Черныш ещё какое-то время посидел рядом с домиком, и когда его благодетель скрылся за дверью, отправился домой. Он должен охранять свою территорию и ждать, когда приедет его хозяин, а может, и друг по играм — Лёша.

Шло время, ломалась и шла к концу зима. Теперь знакомая дорога к домику стала его дорогой к спасению. Всё чаще был у сторожки Черныш, выполняя положенную ему по природе охранную службу, предупреждая людей о приближении кого-либо, позволяя сторожам расслабиться и отдыхать по ночам, уверенными в своём помощнике. В благодарность они соорудили будку для Черныша, но он ни разу в неё не зашёл и спал рядом с дверью на крыльце, и бывало, метель засыпала с головой спящего вполуха часового в своей непромерзаемой тёплой шубе.

Сошли снега, и всё чаще стали проезжать через ворота машины, шли пешие дачники.

И однажды Черныш услышал такое, что мгновенно вытянулся в струнку, прислушиваясь и не обращая внимания на окрики сторожа, бросился стремглав бежать напрямую, через участки, короткой дорогой, проторённой им за зиму к своему дому. Только что мимо сторожки проехала машина, та самая… его долгожданная машина. Он, задыхаясь от бега и нетерпения, пробрался на участок через дыру в заборе и, повизгивая от радостного нетерпения, уселся перед воротами, как бывало в незабываемом «давно». Черныш так вертел хвостом, что полетели в стороны прошлогодние листья.

И вот… ворота открылись…

Он, было, бросился с радостным визгом… но первой вошла женщина и остановилась, закрываясь руками. И Черныш понял, что она не хочет его приветствий и озадаченно остановился…

— Полюбуйся, призрак… мы всю зиму горевали, а он… живее всех живых

— Да ты что! — появился удивлённый хозяин.

— Здоровенный-то какой стал… Ведь как говорила, не игрушка, нельзя на время брать… А он видишь, такую зиму как-то пережил… Ты знаешь, сколько зимой тут лис, а они часто бешеные бывают.

— Может, свозим, привьём?

— Куда ты его такого здоровенного в машину… он же одичал. Слушай, завтра Лёшка запросится на дачу. Боюсь я за него… с этим страшилищем… какие игры? Пусть идёт себе…

Черныш, ничего не понимая, попытался было направиться к хозяину, он что, не видит его?

Но тот тоже отступил на шаг.

— Наверное, правда! Идика, дружок… рад за тебя, что выжил… но… Давай-давай! Иди отсюда!

Черныш по интонации людей слышал, понимал, но не мог, не хотел верить, что его гонят. И только когда хозяйка, сделав вид, что берётся за палку, зло завопила «Пошёл! Пошёл вон!», неторопливо развернулся и побрёл к дальнему забору, через дыру в котором только что прибежал в предвкушении радости встречи. Он её столько ждал… Напоследок обернулся: женщина уже вошла в дом, а хозяин стоял, не сводя с него взгляда…

Черныш неторопливо бежал к своему, теперь уже одному дому, который надлежало стеречь, и где он был нужен, и где ему, он точно знал, не скажут: «Пошёл!» Но что-то тревожило, что-то оставалось в его памяти. И вдруг он остановился… Откуда-то из-за заречного леса, из невообразимого далёка явственно послышался ему последний, отчаянный и обречённый вой Лорда.